

К. Е. СКУРАТ,
профессор Московской Духовной Академии,
доктор богословия

ЗАПОВЕДИ БЛАЖЕНСТВА — ЛЕСТВИЦА ДУХОВНОГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

«И отверз уста Своя, учаше их, глаголя: Блаженнишии духом...» (Мф. 5, 2).

«Каждая добродетель есть мать следующей за ней... Всякий, бесстыдно утверждающий, что можно приобрести последующее, не упражняясь предварительно в предшествующем, без сомненья положил первое основание погибели для души своей».

[Еп. Игнатий (Брянчанинов)]. Сочинения. Т. 1, СПб., 1905, с. 57—58).

Все святое Евангелие исполнено высочайшей Божественной истиной. Читать его и изучать следует от начала до конца — не выборочно. Тем не менее в нем есть такие страницы, на которых как бы сосредоточена вся духовная сила, все величие и богатство святого благовестия. Этому утверждению в полной мере отвечает содержание заповедей блаженства (Мф. 5, 3—12; Лк. 6, 20—23). В них немногими словами изображается многое — путь, возводящий христианина от земли на небо, тот путь, которым шествовали в Царствие Божие все праведники, святые.

Даны эти заповеди Господом вскоре после избрания Им двенадцати Апостолов (Лк. 6, 13). Окруженный Своими ближайшими учениками, Господь, как повествуют святые евангелисты, «выше на гору» (Мф. 5, 1) и «ста на месте равне» (Лк. 6, 17). К Нему приблизилось сюда «множество много людей от всея Иудеи и Иерусалима, и помория Тирска и Сидонска» (Лк. 6, 17)...

Летом 1982 г. Господь сподобил меня в числе паломников Русской Православной Церкви посетить эту святую гору. Всё, что мы здесь увидели, не только воскресило перед нашими глазами (не просто перед мысленным взором) картину евангельских событий, но и еще раз утвердило нас в том, что именно все так и происходило, как это описали святые евангелисты. Теперь на плоской вершине горы — «на месте равне» — стоит величественный храм, который так и называется храмом Блаженств, как и сама гора именуется горой Блаженств. С галереи храма открывается величественная панорама: пологость горы, ее необыкновенный простор. Подножие горы омывается теплыми водами Галилейского моря... Кругом тишина и покой, слышно только, как ветерок шелестит листьями... Действительно, здесь можно расположиться тысячам людей. И чтобы всем все видеть и слышать, проповеднику не нужно подниматься на дополнительное возвышение и от него не требуется слишком напрягать свой голос. Вот здесь у ног Божественного Учителя и расположилось «множество много людей». Одни пришли сюда, чтобы услышать глаголы Вечной Жизни, другие — чтобы получить исцеление от различных болезней. Несомненно, были здесь и такие, которые хотели видеть в лице Христа Спасителя земного царя, имеющего устроить на земле земное царство, несущее потомкам Авраама силу, славу и богатство. Как сердцеведец, Господь видел душу каждого сидящего перед Ним. Он начал исцелять неизлечимо больных, но, врачую тело, стал врачевать и душу — разрушать предрассудки народа. Спасителю предстояло объяснить, что Его Царство «несть от мира сего» (Ин. 18, 36), что в него войдут не просто потомки Авраама, а те, кто похожи по своему духовному устройению на Авраама. И народ, естественно, ожидал наставлений о том, что же делать, как жить.

Еще в Ветхом Завете для нравственного усовершенствования человека были даны десять заповедей, в которых изложены обязанности по отношению к Богу и ближнему. Несомненно, что исполнение этих заповедей может составить наш подвиг, но именно только может. Мы немного продвинемся вперед, если будем следовать их букве и не будем перерождаться внутренне. Собственно, при внешнем их исполнении — подвиг невелик. Разве трудно для нормального человека не поднимать ножа или какого-либо другого предмета на встречного?! (Шестая заповедь: «Не убий!»). Или: не посягать на имущество ближнего, на расхищение народного добра?! (Вось-

мая заповедь: «Не укради!»). Действительный, настоящий подвиг состоит в стяжании такого внутреннего устройства и состояния, чтобы не возникало самого желания, даже мысли причинить кому-либо зло. Вот учение о путях приобретения такого внутренне-добротного расположения христианина сокращенно и предложено Господом и Спасителем в Его девяти изречениях о блаженстве.

«Блажени нишии духом, яко тех есть Царствие Небесное» (Мф. 5, 3), — так Спаситель начинает Своё учение о духовном совершенствовании человека. Чтобы войти в Царствие Божие, человек должен осознать свое недостойнство, воспитать в себе смирение. Но тут сразу же может возникнуть недоумение вот какого рода: христианство явилось в мир, чтобы возвысить человека, возвести его на небо, и оно же требует от него духовной нищеты, самоуничтожения, смирения! Как же принять эти два, казалось бы, взаимоисключающие понятия? Если беспристрастно взглянуть на главнейшие условия, необходимые для спасения — вхождения в Мир Горний, то легко увидеть, что в основе их (и в дальнейшем) лежит смирение. Так, для спасения необходима, прежде всего, вера (Мк. 16, 16; Евр. 11, 6). Но вера самим своим существом предполагает смирение — пленение всякого помышления «в послушание Христово» (2 Кор. 10, 5), чтобы человек мог принять не только постижимое в Божественном Откровении, но и непостижимое, и принять это не в своем мудровании — по удобному себе толкованию, а в разуме и понимании Святой Православной Церкви — столпа и утверждения истины (1 Тим. 3, 15). Дальше: при вере необходимы добрые дела. «Якоже бо тело без духа мертво есть, — говорит святой апостол Иаков, — тако и вера без дел мертва есть» (Иак. 2, 26). Но творить добрые дела — исполнить евангельский закон без помощи Божественной благодати человек не может. Благодать же дается только смиренным: «Господь гордым противится, смиренным же дает благодать» (Иак. 4, 6). И это потому, что сами гордые противятся воле Божией, слишком высоко ставят себя, много надеются на свои собственные силы и не сознают необходимости в небесной помощи, а, не сознавая этой потребности, они отталкивают ее от себя и лишаются ее. По мысли святых отцов Церкви, гордость, — как правило, соединенная со своеволием, — есть как бы некий столб, препятствующий человеку идти к Богу. Стяжающий же смирение сознает свою греховность, недостойнство, не полагается слишком на свои возможности, духовные способности и предает себя в руки Божии — в водительство Божественной благодати, а действие благодати одно — спасение (Деян. 15, 11). «Довелет ти благодать Моя, — открыл Господь святому апостолу Павлу, — сила бо Моя в немощи совершается» (2 Кор. 12, 9). Смирение, по словам святителя Иоанна Златоуста, есть «крепкое и безопасное основание. На этом основании с безопасностью можно созидать и все прочее»¹. Напротив, если этого основания не будет, то хотя бы кто до небес возвышался жизнью, все это легко разрушится и будет иметь худой конец. Хотя бы ты отличался постом, молитвой, милостыней, целомудрием или другой какой добродетелью, все это без смирения разрушится и погибнет. Так случилось с фарисеем. Взойдя на самый верх добродетели, он ниспал с него и потерял все потому, что не имел смирения — матери всех добродетелей. Как гордость есть источник всякого нечестия, так смирение есть начало всякого благочестия»². Невольно вспоминается здесь свидетельство святителя Игнатия (Брянчанинова). «Сегодня я, — пишет он, — прочитал то изречение Великого Сисоя, которое мне всегда особенно нравилось, всегда было мне особенно по сердцу. Некоторый инок сказал ему: «Я нахожусь в непрестанном памятовании Бога». Преподобный Сисой отвечал ему: «Это — не велико; велико будет то, когда ты сочтешь себя хуже всей твари». Высокое занятие — непрестанное памятование Бога, но эта высота очень опасна, когда лестница к ней не основана на прочном камне смирения»³.

Когда мы пытаемся понять и раскрыть духовную нищету, нам нужно хорошо себе усвоить ту непреложную истину, что христианское смирение не имеет ничего общего с так называемым «смиреничаньем», когда человек рабски выполняет волю другого, несмотря на то, что это выполнение является очевидным нарушением закона и приносит ущерб ближним; или когда он «смиренно» подслушивает кому-либо; когда и своему лицу придает некую плавксивость; когда он как бы забывает, что есть образ Божий, имеющий великий дар Божий — свободу. Христианское смирение есть одновременно и духовная высота, или, по слову святителя Иоанна Златоуста, «смиренномудрие». «Еще нет смиренномудрия в том, чтобы грешник считал себя грешником, — утверждает Святитель. — Смиренномудрие состоит в том, чтобы, сознавая за собой много великого, ничего великого о себе не думать... В том и состоит смиренномудрие, когда кто, будучи высоким по заслугам, смиряет сам себя в уме»⁴. Истинно смиренный христианин, хотя и не превозносится своими способностями или духовными силами, но никому не позволяет произвольно пользоваться ими в плохих и даже просто нравственно сомнительных делах. Наоборот, он становится способным направлять к добру и силы других людей; он приобретает духовный авторитет даже среди огрубевших во зле. Чтобы убедиться в справедливости сего, достаточно открыть Четьи-Миней святителя Дмитрия Ростовского или другие описания житий святых и хотя бы малую часть прочитать из них. Все святые люди были смиренными, а между тем влияние их на окружающих, на приходивших к ним и просто слышавших о них — на всех было огромное. Будучи глубоко смиренными, они никогда не забывали в себе высокого достоинства христианина»⁵. В высшей степени смиренным явил Себя во время служения на земле Сам Спаситель (Флп. 2, 8),

но в той же мере Он показал и Свою Божественную высоту. Он учил, повествуют святые евангелисты, «яко власть имый, и не яко книжницы», «и двияхуся о учении Его» (Мр. 1, 22), «и по Нем идоша народи мнози» (Мф. 4, 25). Коротче говоря, хотя смиренный христианин не имеет даже и мысли показать перед другими свои добродетели, но они невольно замечаются и ценятся. Его можно сравнить со зрелым, полным зернами колосом, который, хотя и клонится книзу, но всеми ценится, а пустой колос, хотя и торчит выше всех, никого не привлекает.

«Блажени плачущии, яко тии утешатся» (Мф. 5, 4), — учит далее Господь наш Иисус Христос. Осознав себя нищим духом, человек скорбит, плачет о своих грехах. «Смирение и рождающееся из него покаяние, — по слову св. Игнатия (Брянчанинова), — единственное условие, при котором приемлется Христос! Смирение и покаяние — единственная цена, которой покупается познание Христа! Смирение и покаяние — единственное нравственное состояние, из которого можно приступить ко Христу, усвоиться Ему»⁶. Чем больше человек обращает внимания на свою душу, тем ощутительнее испытывает недовольство своим нравственным состоянием и ищет лучшего, стремится подняться по ступеням духовного совершенствования. По мере же сокрушения о грехах он постепенно освобождается от них — и сердце заполняется радостью, утешением, блаженством. «Позтому «внемли себе» (Втор. 15, 9), — призывает святитель Василий Великий, — чтобы по мере прегрешения получить тебе пособие от врачевания. Грех твой велик и тяжел? — Тебе нужны долгая исповедь, горькие слезы, усиленное бодрствование, непрерывный пост. Грехопадение легко и сносно? — Пусть уравниется с ним и покаяние»⁷. Тех же, которые горделиво считают лишним для себя покаяние и исключают «себя из числа грешников, отвергает Господь. Они не могут быть христианами»⁸.

Стягающий смирение человек плачет не только о своих грехах. Помня заповедь Христа Спасителя любить ближнего как самого себя (Мф. 22, 39), он скорбит и о других людях, когда видит их греховные падения и их явное скатывание к вечной гибели. Скорбит так, как скорбел пророк Моисей, когда народ отступил от истинного Бога и поклонился золотому тельцу (Исх. 32, 30—32); как печалился святой апостол Павел о неверии братьев — «сроднищех по плоти» (Рим. 9, 2—3); как плакал Сам Господь о граде Иерусалиме, провидя его разрушение за то, что он не уразумел «времени посещения» (Лк. 19, 41, 44).

Печаль и скорбь о грехах с мыслью о Боге, с верой в Него не то, что печаль «мирская». «Печаль бо яже по Бозе, — учит святой апостол Павел, — покаяние нераскаянно во спасение соделовае, а сего мира печаль смерть соделовае» (2 Кор. 7, 10). Искренне кающийся в соделанном грехе принимает и твердое решение никогда его не повторять («покаяние нераскаянно» значит «неизменное покаяние»), а, отвратившись от одного греха, он освобождается и от других грехов, ибо грехи, как и добродетели, взаимосвязаны. Вот почему «печаль по Бозе», печаль о том, что своими недостойными поступками человек оскорбляет святость Божию, приводит ко спасению. Печаль же «сего мира», скорбь о потере друзей, славы, имущества без надежды на милость Божию лишает человека покоя, сна, терзает его и может привести к болезни, к смерти. Священная история дает этому два разительных примера в лице святого апостола Петра и Иуды Искариотского. Святой апостол Петр совершил величайший грех — трижды отрекся от Божественного Наставника, но, как только вспомнил предсказание об этом Спасителя, «изшел вон плакаса горько» (Мф. 26, 75). Предание свидетельствует, что этот ученик всю последующую жизнь плакал о своем падении, так что глаза у него были красными от слез. Но этот плач не подорвал его здоровья; наоборот, чем больше он сокрушался, тем сильнее становился его дух, а с укреплением духа не болело и тело. Не то произошло с Иудой Искариотским. Предатель забыл Бога и всю свою надежду возложил на мир, на земные блага, что и привело его к отчаянию и гибели.

В миру говорят, что время — золото. Для христианина же оно не имеет цены — бесценно, ибо он знает, что дается оно для принесения плодов плача о грехах — плодов покаяния: очищения души и тела, совершения добра, приготовления себя к вечному жительству с ангелами и святыми. За каждую прожитую минуту нужно будет держать ответ. «Мы знаем, — говорит Святейший Патриарх Пимен, — что время даровано людям для нравственного совершенствования, стяжания спасения и Жизни Вечной. Дарованную нам жизнь мы обязаны провести достойно высокого звания христианина, памятуя, что жизнь протекает во времени»⁹. Помнящие это и живущие так утешатся: удаление от греха несет истинную радость.

Видя свои грехи и раскаяваясь в них, плача о них, «нищими духом» хорошо понимают немощи других, становятся снисходительными к ближним, никого не презирают — делают кроткими и способными войти в наследие Бога любви и милосердия. «Блажени кротцыи, яко тии наследят землю» (Мф. 5, 5). Христианская кротость есть «тихое расположение духа, соединенное с осторожностью, чтобы никого не раздражать и ничем не раздражаться»¹⁰. Кроткий человек никогда не платит злом за зло, обидой за обиду, не сердится, не возмущается во гневе голоса на сотрепавших и обижавших; «не воспрекословит, ни возопиет, и никто не услышит голоса его» (Мф. 12, 19); кроткий, «будучи укоряем, не укоряет, терпя злострадания и напасти от других, не грозит мщением» (1 Петр. 2, 23)¹¹. В сердцах кротких пребывает постоянный мир. Их состояние напоминает состояние вечного мира, вечного упокоения в Господе святых на небесах. Они сохраняют в душе мир при всех жизненных обстоятельствах. Вот постигли их несчастья,

потери, лишения, обрушились на них одна за другой болезни; они, конечно, будут делать все от них зависящее, чтобы выйти из этого горестного состояния, но делать это будут в спокойствии духа, без внутренних терзаний, без тени злобы на окружающий грешный мир. Мы служители Христа Спасителя, скажут они. К Его Кресту мы принесем свои горести. Да совершится во всем Его святая воля! Слава Богу за все! Особенно очевидно проявляется христианская кротость в терпеливом перенесении обид. Это не значит, что кроткие отказываются от своих человеческих прав и чуть ли не содействуют распространению зла. Нет! Они будут в законных пределах отражать насилие и нападение других, но без раздражения, без превозношения и, самое главное, без мести. Защищая свои права, они в равной мере делают пользы обиженным и готовы всегда открыть им свои объятия, если видят их искреннее раскаяние. Кроткие хорошо помнят ту общечеловеческую истину, что обиженные нередко преувеличивают нанесенную им обиду. Человеку труднее осознать свою вину и легче увидеть чужую, и это бывает не просто только из-за его упрямства или ограниченности, а и по субъективной уверенности, что именно так справедливо — так ему кажется. Когда же смотришь со стороны, то видишь, что и обиженный тоже виновен, хотя, может быть, и в меньшей мере. Вот, например, мы кого-то упрекнули и упрекнули справедливо, но сделали это неуместно, положим, в присутствии лиц, им глубоко уважаемых и почитаемых. И что же? Мы вызвали страшный гнев со стороны этого человека, а потом обижаемся на него, что он изменил к нам свое отношение. Здесь следует вспомнить наставление Христа Спасителя об отношении к согрешившему брату — вначале обличить его наедине, потом при одном, двух свидетелях и, наконец, перед Церковью (Мф. 18, 15—17). Или другой часто повторяющийся в жизни пример: мы делаем увещание человеку, когда он раздражен, и если наши увещания (по существу справедливые) вызывают ссору, мы не хотим признать себя виновными и сердимся на другого. А что нужно было сделать? — Дать успокоиться человеку, подойти к нему с мерой любви и кротости. «Аще убо алчет враг твой, ухлеби его; аще ли жаждет, напои его: сие бо творя, углие огнено собираеши на главу его» (Рим. 12, 20), — учит святой апостол Павел. Другими словами, если ты будешь делать своему врагу, обидчику добро, то в конце концов он переменит гнев на милость, ибо твоё добро, словно горящие уголья, будет жечь его совесть, пока она не проснется. Добро победит зло (Рим. 12, 21).

А если кроткий пребывает в счастье и земной славе? — Он не впадает в гордость и беспечность. Его земное величие — это лишь частный случай для проявления христианского достоинства. Как весеннее солнце он разливает всюду теплоту и радость. Его слово, растворенное любовью, благожелательством, и утешает, и одобряет, и исправляет. Кротость везде и всюду несёт с собой мир и довольство — в общество, в семью, в душу каждого человека¹². Счастье в нас самих, в нашей душе, устроенной по евангельскому духу. Кто не имеет этого духа, тот не имеет и кротости, а без нее нет и истинного счастья.

Кротким Господь обещает, что они «наследят землю». Это обетование понимается как получение вечного блаженства — «благая Господня на земли живых» (Пс. 26, 13) — и как получение высшего благословения в жизни временной. «Христос, — поясняет святитель Иоанн Златоуст, — с духовными наградами соединил чувственные. Так как кроткий человек может подумать, что он теряет все свое имущество, то Христос обещает противное, говоря, что он-то безопасно и владеет своим имуществом: он ни дерзок, ни тщеславен; кто же напротив будет таковым, тот может лишиться и наследственного имени, и даже погубит самую душу»¹³.

Снисходя к другим людям, кроткий строг к себе самому и требователен. Он постоянно смотрит на себя, на свои поступки, анализирует их, стремится к возможному совершенству, алчет и жаждет правды и, поскольку это стремление искренне, становится способным получить эту правду. Поэтому «блажени алчущии и жаждущии правды, яко тии насытятся» (Мф. 5, 6).

Под правдой имеется в виду всякая добродетель, которую заповедал Господь. Но так как человек без помощи Божией не может жить по евангельским заповедям, то под правдой разумеют и оправдание посредством благодати (см. Рим. 3, 21—25). Эту правду и нужно искать всем своим существом, что и подчеркивается в словах «алчущии и жаждущии», «Алчба» и «жажда» служат образным выражением самого сильного желания получить духовные блага. Чтобы понять весь смысл этого выражения, нужно мысленно перенестись в те места, где Спаситель совершил служение человеческому роду. Посетив Палестину, мы — паломники Русской Православной Церкви — воочию убедились, как экономно расходуете там вода, ибо во многих местах ее не хватает. А когда мы на пути из Иерусалима в Тивериаду проезжали через Иорданскую пустыню, то хорошо себе представили, как чувствовали себя в древности под палящими лучами солнца путники, идущие из Иудеи в Галилею и обратно, как одолевала их жажда на раскаленном воздухе. А если в пути среди необозримых нагромождений песчано-известковых холмов нужно было остановиться на некоторое время?!.. Вот Господь, зная опыт Своих слушателей, и употребил такое выражение, чтобы наглядно показать всю силу стремления к правде. Христианин обязан всю свою жизнь постоянно иметь огонь ревности о духовном, ни на минуту не забывать своего звания, назначения, своей ответственности перед Богом и людьми. Если он ослабев в усердии, то непременно сойдет с пути Христа и не достигнет цели — не получит спасения, к которому призван. Лампада погаснет, если в нее не подливать масла; вода остынет, если под ней

не поддерживать огонь. Так и в жизни духовной: ослабевают усилия в поддержании стремления к спасению, прекращается жажда к истине Христовой — душа стынет, сердце хладеет ко всему небесному и обращается к временному, плотскому, греховному. Но, может быть, кто-либо возразит, что человек слаб и не может выполнить высоких требований христианского закона. Да, сам по себе человек слаб. Но ему дается много спасительных средств для духовного роста: с ним благодать Божия, ниспосылаемая в святых Таинствах Церкви и особенно в святом Причащении Тела и Крови Самого Христа¹⁴; ему содействуют святые и особенно Ангел Хранитель. У него есть молитва — он может беседовать со всем Горним Миром. А чтение Священного Писания? Читающий святое Евангелие слышит голос Самого Спасителя. Когда мы читаем чье-либо письмо, то как будто разговариваем с написавшим его. То же происходит и при благоговейном чтении наставлений Божественного Учителя. И если кто алчет и жаждет этой беседы со Спасителем — значит, он алчет и жаждет правды Христовой.

Алчущим и жаждущим правды Господь обещает насыщение. Как телесное насыщение прекращает страдания от голода и восстанавливает силы, так и духовное приносит внутреннее успокоение совести вследствие прощения Богом грехов и сообщает новые силы к совершению добра. Полная же награда будет дана в жизни вечной. «Насыщуся, вегда явитимися славе Твоей» (Пс. 16, 15), — свидетельствует святой пророк Давид.

Следующая ступень на пути к блаженству есть милосердие. — «Блажени милостивии, яко тии помиловани будут» (Мф. 5, 7). Эта добродетель — «высшая в ряду других»¹⁵ — теснейшим образом соединена с оправданием человека, исполненного чувства внутренней радости. Переживая духовное утешение от гармонии сил души, он желает того же духовного устройства и другим, становится другом всех. Такое состояние понятно всякому человеку, ибо каждый испытал счастливые минуты, которые известны ему как хорошее «расположение духа». В эти минуты он готов делать только добро, только то, что служит к пользе ближнего. А если человек достигает постоянного согласия в своей душе? — Тогда он постоянно и творит дела милосердия, не испытывая усталости, хотя дела любви и требуют немалых трудов. И чем больше открывается для него возможностей оказать помощь ближнему, тем сильнее горит пламя его любви.

Учение о братстве и любви всех людей между собой возвестило именно христианство. Это начало явилось отличительным признаком новой религии — религии Божественной Любви. «О сем разумеют вси, — говорил Господь первым Своим верным последователям, — яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою» (Ин. 13, 35). Как утверждалось это повеление Божественного Основателя Церкви, ясно свидетельствует Деяния: «Народу же веровавшему бы сердце и душа едина, и ни един же что имений своих глаголаше свое быти, но бяху им вся обща» (Деян. 4, 32). Общение в имуществе, общие трапезы, разного рода вспомоществования друг другу — вот чем характеризовалась первая христианская община, идеально воплощавшая в свою жизнь учение Христа Спасителя. Особенно христианское братство обнаружилось во время общественных бедствий, о чем красноречиво повествует отец III в. — святитель Дионисий Александрийский, сравнивая поведение христиан с отношением язычников к своим соседям. Александрию постигла страшная болезнь — моровая язва. И что же? «Весьма многие из наших братьев, — пишет святитель Дионисий, — от избытка любви и братолюбия не щадили самих себя и поддерживали друг друга, безбоязненно наблюдали за больными, неутомимо ухаживали за ними и, служа им ради Христа, вместе с ними радостно умирали, исполняясь страданиями других, привлекая на себя болезнь от своих ближних и добровольно принимая на себя их мучения. И многие, ухаживая за больными и подкрепляя других, скончались сами, перенеся на самих себя смерть их... Таким-то образом оставили жизнь лучшие из наших братьев, некоторые пресвитеры и диаконы и многие весьма почтенные из числа народа, и этот род смерти, будучи делом великого благочестия и твердой веры, кажется ничем не ниже мученичества. Они принимали тела святых на распростертые руки и перси, закрывали им глаза, закрывали уста, носили их на своих плечах и потом полагали, прижимали их к себе, обливали, омывали и украшали одеждами, а вскоре и сами сподоблялись того же, потому что оставшиеся в живых всегда следовали по стопам своих предшественников. Совершенно напротив поступали язычники: они прогоняли начавших болеть, убегали от самых дорогих людей, выбрасывали на улицу полумертвых и сваливали трупы без погребения, стараясь отвести передачу и распространение смерти, хотя при всех усилиях им не легко было достигнуть этого»¹⁶.

Заповедь милосердия, по слову святителя Иоанна Златоуста, «обширна» и «есть много различных видов» этой добродетели¹⁷. Поэтому указать все ее частности нет возможности. Но нельзя не вспомнить, что на Страшном Суде Господь прежде всего спросит у каждого, проявил ли он дела милосердия: накормил ли алчущего, напоил ли жаждущего, принял ли странника, одел ли нагого, посетил ли больного, страдающего (Мф. 25, 31—46). Если да, то таким людям Он скажет: «Приидите, благоденствию Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царствие от сложения мира» (Мф. 25, 34). Но иная участь ждет человека жестокого: «суд без милости не сотворящему милости» (Иак. 2, 13)¹⁸.

«Итак, — можно заключить рассуждение о милосердии словами одного пастыря нашей Святой Церкви конца прошлого века, — да заградятся уста всякого, кто будет еще жаловаться на

трудность пути ко спасению. Иисус Христос открывает нам все средства к достижению блаженства и облегчает путь ко спасению, чтобы в день суда Его никто не мог сказать, что ему не дано было достаточных средств ко спасению. Что может быть удобоисполнимее заповеди о милосердии, за которую однако ж, как и за другие добродетели, обещается блаженство?.. Нет человека, который не мог бы быть милостивым к ближним своим, если только сам не ожесточил сердца своего; нет времени, в которое бы не открывалось нам множество случаев к милосердию, а следовательно, нет человека, который бы не мог получить блаженства, обещанного всем милостивым»¹⁹.

Пусть христианин достиг безукоризненности в своем поведении, останавливаясь ему нельзя (остановка есть начало охлаждения и возврата к греху). Он должен восходить от веры к вере, от любви к любви, от одной добродетели к другой, короче говоря, он должен восходить в духовной жизни от более легкого к более трудному и совершенному, пока не достигнет полной чистоты сердца. «Блаженны чистыи сердцем, яко тии Бога узрят» (Мф. 5, 8).

Свойство чистоты сердца есть нелицемерие. Благообразие чистых сердцем непритворное, не кажущееся, не внешнее. Все, что ни делают они доброго, делают это от души, ради самого добра. Посещают ли они часто храм — поспевают так по глубокой любви ко Господу, имеющему особое присутствие в храме. Помогают ли ближнему — также делают по зову той же чистой любви.

С нелицемерием неразрывно соединена правдивость. Чистые сердцем всегда говорят ближним только истину. Они далеки от двоящихся и раздвоения. У них на языке то же, что и в душе. Поэтому они не способны в глаза льстить, а за глаза порицать. Они не станут одобрять то, что требует осуждения, ибо знают, что есть всеведущий Бог, перед Которым невозможно ничего утаить. Высшим свидетельством чистоты сердца служит безукоризненность самих мыслей, желаний и полное отсутствие пристрастий к земным вещам. У чистых сердцем мысли и чувства так же святы и возвышенны, как и их дела. Присутствуют ли они в храме — их ум и сердце всецело заняты тем, что читается, поется, совершается в нем. С такой же сосредоточенностью они молятся и дома и везде, когда обращают свой взор горю. Хранят ли они целомудрие — не удовлетворяются чистой лишь тела, а избегают и нечистых желаний. Прощают ли врагов своих — не ограничиваются лишь тем, что не делают им зла, а даже в мысли своей не допускают чего-либо вредного для них. Они постоянно и неослабно бодрствуют над собой — и «в напасть» не выпадают (Мк. 14, 38).

Одним словом, чистота сердца есть доброе устройство христианина, охватывающее все его мысли, чувства и дела. «Что такое сердце чистое? — спрашивает один из пастырей Русской Православной Церкви конца XIX — начала XX в. и отвечает: Кроткое, смиренное, нелукавое, простое, доверчивое, нелживое, неподозрительное, незлобивое, доброе, некорыстное, независтливое, непрелюбодейное»²⁰. Чисто сердце — и весь человек чист (Лк. 6, 45). «Сердце чистое не должно желать дурного дела»²¹.

Святой Исаак Сирин на вопросы: «Если достиг кто сердечной чистоты, что служит ее признаком? И когда познает человек, что сердце его достигло чистоты?» отвечает: «Когда всех людей видит кто хорошими, и никто не представляется ему нечестным и оскверненным... Ибо как исполнится слову апостольскому, по которому должно всех равно от искреннего сердца «честию больших себе творити» (Флп. 2, 3), если человек не достигнет сказанного, что око благое не узрит зла?»²². Будучи исполнено одного добра, чистое сердце уподобляется Богу, становится сродным Ему, а чрез это «в собственной лепоте своей»²³ получает способность знать Бога или зреть Его духовными очами; видение же Бога есть высочайшее блаженство.

«Блаженны миротворцы, яко тии сынове Божии нарекутся» (Мф. 5, 9), — предлагает Господь наш Иисус Христос следующую заповедь.

В чистом сердце нет вражды — с чистотой она несовместима, как несовместим свет с тьмой. А не имеющий в своем сердце вражды хочет, чтобы и другие ее не имели — он борется за согласие и мир, становится миротворцем. Чистый сердцем хорошо знает всю отвратительность и пагубность греха и, вместе с тем, он лучше других видит то счастье, какое приносит человеку добродетель. Поэтому он не может быть равнодушным к любому греху, замечаемому у кого бы то ни было, и тем более к вражде — источнику многих зол. Он принимает все от него зависящее, чтобы не только прекратить раздор, уничтожить неприязнь, но и предотвратить появление этого зла. Если ему самому не удастся примирить враждующих, то он глубоко скорбит и обращается с молитвой к Богу, чтобы Сам Господь вразумил их и смягчил их жестокость. Святитель Григорий Нисский говорит, что Господь заповедует христианину-миротворцу «изгонять ненависть, прекращать войну, уничтожать зависть, недопускать до битв, истреблять лицемерие, угашать в сердце пожигающее внутренность злопамятство» и вместо этого вводить все противоположное — любовь, радость, мир, благость, долготерпение «и все собранное Апостолом число благ» (Гал. 5, 22)²⁴.

Заповедь миротворчества понимается и в самом широком смысле — как утверждение мира между целыми народами и странами. Такое понимание весьма важно в наш век, когда изобретено и продолжается совершенствоваться страшное оружие массового уничтожения людей и даже самой жизни на Земле. Тем не менее принесенный Христом Спасителем мир, с помощью Божией,

«постепенно растет и укрепляется в сознании человечества, приобретает все большее и большее число приверженцев и его поборников»²⁵. В этом росте есть доля заслуги и нашей Святой Православной Русской Церкви, свято чтущей «во всей ее полноте» заповедь Христа Спасителя²⁶.

Своим служением христианские миротворцы подражают Сыну Божию, Который «есть мир наш» (Еф. 2, 14), поэтому удостоиваются благодатного имени сынов Божиих.

Научин Своих последователей путем блаженства, Господь наш Иисус Христос в последних двух заповедях указал, что стремящиеся войти в Царствие Божие должны не только творить добро, но и быть всегда готовыми принять гонения и поношения за истину, не изменяя ей ни при каких обстоятельствах: «Блаженни изгнани правды ради, яко тех есть Царствие Небесное. Блаженни есте, егда поносят вам и ижденут и рекут всяк зол глагол на вы лжуще, Мене ради. Радуйтеся и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесех» (Мф. 5, 10—12). Это — высочайший подвиг, и вступать в него может лишь тот, кто заранее приготовлен и утвержден исполнением всех предшествующих заповедей блаженства²⁷. «Правдолюбие, постоянство и твердость в добродетели, мужество и терпение», готовность «с радостью принять поношение, гонение и самую смерть за имя Христово и за истинную православную веру» — вот как учит понимать эти заповеди Святая Церковь²⁸. Это не значит, что христианин во имя великой награды на небесах может нарочито искать преследований, гонений или специально вызывать себе неприятности, поношения. Нет! Есть прямой запрет Спасителя всем тем, кто мог бы так подумать. «Егда же гонят вы во граде сем, — учит Он, — бегайте в другой» (Мф. 10, 23). «Чтобы ты не подумал, что одни поношения, какие бы то ни было, делают блаженными, — поясняет святитель Иоанн Златоуст, — Христос определяет эти поношения двумя видами, именно, когда мы терпим их ради Него, и когда они будут ложны. Если же не будет ни того, ни другого, то поносимый не только не блажен, но и несчастлив»²⁹.

Вот лестница духовного совершенствования, по которой поднимались в Горний Мир все угодники Божии. «В изречениях Своих о блаженствах Господь, — по рассуждению святителя Феофана (Говорова), — изображает райское сердце... Хочешь рая — будь таков»³⁰. Требуемые заповедями блаженства добродетели или качества представляют собой единое целое, неразрывно связанное между собой, так что выполнение одного влечет за собой выполнение и другого и, наоборот, нарушение одного преграждает путь к другому. «Христос, — говорит святитель Иоанн Златоуст, — сплел нам из этих заповедей золотую цепь, всегда пролагая путь от предыдущей заповеди к последующей. В самом деле, человек смиренный будет оплакивать и грехи свои; оплакивающий свои грехи будет и кротким, и праведным, и милостивым; милостивый, праведный и сокрушенный будет непременно и чистым по сердцу, а такой будет и миротворцем; а кто всего этого достигнет, тот будет готов и к опасностям, не устрашится злоречия и бесчисленных бедствий»³¹.

По этой лестнице и сейчас идут желающие наследовать Царство Христово. Это шествие требует большого подвига, перевоспитания всего своего существа, но и велика, бесценна конечная цель его.

Поэтому-то эти заповеди часто повторяются за нашим православным богослужением — читаются и поются. Поэтому и сегодня мы повторяем их. Но нельзя забывать, что великое благо не в повторении заповедей, не в знании их, а в исполнении: «Блаженни слышавши слово Божие и хранящи е» (Лк. 11, 28).

На этом можно было бы и поставить последнюю точку. Тем не менее что-то подсказывает добавить в завершение еще несколько слов.

Заповеди блаженства — это не единственная, всеохватывающая схема духовной жизни³². Что это так, можно сие видеть в святом Евангелии: оно все исполнено учением Господа о спасительной жизни. Духовная жизнь глубока и не может быть заключена в строгие и определенные рамки. Где строгие рамки — там буква, а буква мертвит. И хочется здесь вспомнить мудрое, можно сказать, богопросвещенное, рассуждение «Древнего Патерника». «Брат, — читаем в нем, — спросил старца: какое бы мне делать доброе дело и жить с ним? Старец отвечал: Бог знает, что добро. — Я слышал, что некто из отцов спрашивал великого авву Нестероя, друга аввы Антония: какое бы доброе дело делать мне? Авва отвечал ему: не все ли дела равны? Писание говорит: Авраам был страннолюбив, — и Бог был с ним; Илия любил безмолвие, — и Бог был с ним; Давид был кроток, — и Бог был с ним. Итак, смотри: чего желает по Богу душа твоя, то делай и блюди сердце твое»³³. Последние слова хочется повторить и ими закончить: «Итак, смотри: чего желает по Богу душа твоя, то делай и блюди сердце твое».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Срав. наставление старца, приведенное в «Древнем Патерике»: «Как земля не падает вниз, так и смиряющий себя не падает никогда». (Древний Патерик, изложенный по главам. Пер. с греч. М., 1900, гл. 21, § 29, с. 414).

² Св. Иоанн Златоуст. Творения. Т. VII, кн. 1. СПб., 1901, с. 150.

³ Епископ Игнатий (Брянчанинов). Сочинения. Т. IV. СПб., 1905, с. 497.

- ⁴ Св. *Иоанн Златоуст*. Творения. Т. 1, кн. 2, СПб., 1895, с. 533.
- ⁵ Да не подумает кто-либо, что здесь оправдывается так называемая «благородная гордость». Любая гордость есть грех.
- ⁶ Епископ *Игнатий* (Брянчанинов). Сочинения. Т. IV, цит. изд., с. 182.
- ⁷ Св. *Василий Великий*. Творения. Ч. IV. Сергиев Посад, 1892, с. 36.
- ⁸ Епископ *Игнатий* (Брянчанинов). Сочинения. Т. IV, цит. изд., с. 183.
- ⁹ Слово Святейшего *Пимена*, Патриарха Московского и всея Руси, перед Новогодним молебном 31 декабря 1981 г. — ЖМП, 1982, № 2, с. 28.
- ¹⁰ Пространный христианский катихизис Православных Кафолических Восточных Церквей. М., 1915, с. 76.
- ¹¹ Прот. *Иоанн Сергиев*. Цит.: Прот. Г. Дьяченко. Духовные посевы. М., 1901, с. 264.
- ¹² Примеры христианской кротости: преподобный Феодосий Печерский, святитель Трими-фунтский Спиридон, мать блаженного Августина блаженная Моника и др.
- ¹³ Св. *Иоанн Златоуст*. Творения. Т. VII, кн. 1, цит. изд., с. 153.
- ¹⁴ «Ты, брат, — учит один старец, — мало-помалу входи в подвиг и не унывай, а Бог благодатью Своей возведет тебя в прежнее состояние твое» (Отчник, изд. 4, с. 494).
- ¹⁵ Митрополит *Николай* (Ярушевич). Милосердие. ЖМП, 1955, № 5, с. 27.
- ¹⁶ Св. *Дионисий Великий*, епископ Александрийский. Творения. Казань, 1900, с. 78—79.
- ¹⁷ Св. *Иоанн Златоуст*. Творения. Т. VII, кн. 1, цит. изд., с. 154.
- ¹⁸ Желющие научиться творить милосердие на примере других могут прочесть житие праведного Филарета Милостивого (церковная память 1 декабря) и святителя Николая, архиепископа Мир Ликийских (церковная память 6 декабря и 9 мая). Хочется хотя бы вспомнить здесь и заповедь «Пастыря»: «Делай добро, и от плода трудов твоих, который дает тебе Бог, давай всем бедным просто, ни мало не сомневаясь, кому даешь. Всем давай потому, что Бог хочет, чтобы всем было даруемо из Его Даров. Берущие отдадут отчет Богу, почему и на что брали. Берущие по нужде не будут осуждены, а берущие притворно подвергнутся суду. Дающий же не будет виноват, ибо он исполнил служение, какое получил от Бога, не разбирая, кому дать и кому не давать, и исполнил с похвалой пред Богом» («Пастырь» Ерма. Книга 2, заповедь 2. Антология. Раннехристианские отцы Церкви. Брюссель, 1978, с. 187).
- ¹⁹ Прот. *Нектариевский*. Изъяснение заповедей о блаженствах (Мф. 5, 1—10). Цит. по: М. Барсов. «Сборник статей по истолковательному и назидательному чтению Четвероевангелия». Т. 1. СПб., 1893, с. 527—528.
- ²⁰ Прот. *Иоанн Сергиев*. Моя жизнь во Христе. Т. 1. М., 1899, с. 80.
- ²¹ «Пастырь» Ерма. Кн. 1., вид. 1, § 2, цит. изд., с. 167.
- ²² Св. *Исаак Сириянин*. Творения. Слова подвижнические. Сергиев Посад, 1911, с. 96—97.
- ²³ Св. *Афанасий Великий*. Творения. Ч. IV. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1903, с. 427.
- ²⁴ Св. *Григорий Нисский*. Творения. Ч. II. М., 1861, с. 465.
- ²⁵ Из Рождественского послания митрополита Рижского и Латвийского *Леонида* боголюбивым пастырям, всечестному иночеству и всем верным чадам Православной Церкви в Латвии. Рига, 1982.
- ²⁶ Русская Православная Церковь. Изд. Московской Патриархии. М., 1980, с. 135.
- ²⁷ См.: Св. *Иоанн Златоуст*. Творения, Т. VII, кн. 1, цит. изд., с. 157.
- ²⁸ Пространный христианский катихизис Православных Кафолических Восточных Церквей, цит. изд., с. 80.
- ²⁹ Св. *Иоанн Златоуст*. Творения. Т. VII, кн. 1, цит. изд., с. 155.
- ³⁰ Епископ *Феофан* (Говоров). Мысли на каждый день года по церковным чтениям из слова Божия. М., 1904, с. 81.
- ³¹ Св. *Иоанн Златоуст*. Творения. Т. VII, кн. 1, цит. изд., с. 157.
- ³² Например, в «Пастыре» Ерма (II в.), поставляемому св. Афанасием Великим наравне с неканоническими книгами Священного Писания, указывается семь главных добродетелей, из которых каждая последующая считается дочерью предыдущей. Это: вера, воздержание, простота, невинность, скромность, знание и любовь. (См. «Пастырь», видение III, гл. 8, цит. изд., с. 178). А вот что говорится в «Откровенных рассказах странника духовному своему отцу»: «Молитву я (спутник Странника. — К. С.) почитаю самым главным и необходимым способом ко спасению и первойшей обязанностью каждого христианина. Молитва составляет и первую ступень и венец благочестивой жизни... Без молитвы ничего доброго сделать нельзя... Молитва — вот всё, что дано, как всеобъемлющее средство ко спасению и усовершенствованию души... Посему-то непрестанность, всегдашность исключительно и представляется одной токмо молитве; прочие добродетели — каждая имеет свое время, а в молитве заповедуется упражняться непрерывно, — «непрестанно молиться». (4-е изд. ИМКА ПРЕСС, 1973, с. 230, 267, 248).
- ³³ Древний Патерик, изложенный по главам. Перевод с греческого. М., 1900, гл. 1, § 17, с. 16. Ср.: гл. 2, § 45, с. 123; гл. 10, § 23, с. 159, § 38, с. 164, § 45, с. 166, § 90, с. 179—180; гл. 21, § 6, с. 412, § 20, с. 413 и др.